

УДК 343.71.
ББК 67.408.121.
Ш 16
С.К. Шаззо

Возникновение и развитие российского законодательства по вопросу об ответственности за разбой

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматриваются основные закономерности и этапы развития российского законодательства об ответственности за разбой, анализируется его современное состояние. Особое внимание уделяется анализу правового регулирования разбоя в истории российского законодательства, поскольку ученые-юристы уделяют внимание участвующим проявлениям этого опасного преступления в нашей стране. Разбой обусловлен как характером и степенью общественной опасности самого преступления, так и сложностью его содержания. В связи с этим особую актуальность для науки уголовного права и правоприменительной деятельности правоохранительных органов приобретают проблемы повышения эффективности борьбы с разбоем посредством применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова:

Собственность, имущество, кража, грабеж, воровство, растрата, присвоение, мошенничество, нападение, разбой.

В научной литературе отмечается, что до советского периода в истории нашего государства законодательстве России об имущественных преступлениях развивалось в рамках единой европейской правовой традиции и русское уголовное право базировалось на доктрине и системе имущественных преступлений, объединявших в одно целое все посягательства на чужие имущественные права и интересы. (3; 80) Однако анализ законодательства этого периода и другие источники свидетельствуют о том, что не все было так однозначно.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. использовались как понятие «собственность», так и понятие «имущество» и, возможно, как взаимозаменяемые. Об этом говорит название глав, разделов Уложения. Наряду с этим преступления против имущества и доходов казны и преступления против собственности частных лиц были включены в разные разделы. Раздел VII Уложения назывался «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны». Многие нормы данного раздела носили отсылочный характер: законодатель отсылал к нормам раздела XII «О

преступлениях и проступках против собственности частных лиц». На первый взгляд может показаться, что применительно к государству законодатель использовал понятие имущества, а в отношении частных лиц – понятие собственности, тем самым, стремясь подчеркнуть различие форм собственности. Однако это не совсем так. Например, ст. 581 Уложения предусматривала ответственность за похищение казенной собственности. Санкция этой нормы была отсылочной. В соответствии с ней похищение казенной собственности должно было наказываться так же, как и похищение собственности частной. В свою очередь, в разделе XII Уложения в названии глав встречается понятие имущества. В частности, глава 3 этого раздела названа «О похищении чужого имущества» (8; 167).

Таким образом, разделы VII и XII Уложения были тесно связаны друг с другом и практически представляли единый механизм уголовно-правовой охраны государственной и частной собственности – имущества. Однако наряду с этим много имущественных преступлений было закреплено в главе 4 раздела II Уло-

жения. Данная глава называлась «О святотатстве, разрытии могил и ограблении» и входила в раздел «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». Согласно ст. 241 Уложения святотатством признавалось всякое похищение церковных вещей и денег, как из самих церквей, так и из часовен, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ, если даже они находились и вне церковного строения. «Важность преступления святотатства (под которой, очевидно, подразумевалась степень общественной опасности) и наказание за оное, – отмечалось в законе, – увеличиваются, когда оно соединено с оскорблением святыни, с насильственными действиями или со взломом» (4; 226).

Итак, преступления против имущественных прав религиозных объединений не входили в систему имущественных преступлений. Это свидетельствует о дифференцированном подходе законодателя к охране разных форм собственности. Выделение преступлений против собственности религиозных объединений в самостоятельную главу и раздел о преступлениях против веры говорят о том, что собственность и иные имущественные права данных субъектов не могли выступать в качестве основного объекта преступления, они были лишь дополнительным объектом.

В роли последнего была представлена собственность и в случае присвоения или растраты имущества, совершенных должностными лицами. Эти преступления занимали определенное место в системе преступлений по службе государственной и общественной (раздел V Уложения). Статья 383 Уложения, входящая в главу 3 «О противозаконных поступках должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества», предусматривала ответственность за самовольно взятое, присвоенное или растраченное казенное или частное, по службе вверенное чиновникам и состоящим на службе лицам имущество (4; 271).

Как справедливо заметил С.А. Елисеев, подробнейшая дифференциация преступлений с учетом предмета и субъекта посягательства привела к рассредоточенности законоположений об имущественных преступлениях по всему тексту Уложения (7). Такая регламентация вряд ли могла свидетельствовать об объедине-

нии в одно целое всех посягательств на чужие имущественные права и интересы.

Немалый вклад в разработку основ правовой охраны имущественных отношений был сделан при подготовке свода законов Российской империи и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Различая частную и государственную, общественную собственность, разработчики этих правовых актов сконструировали составы данных преступлений с учетом их направленности на конкретные интересы. Отметим наиболее важные положения, характеризующие раздел Особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.), именуемый «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». Группируя составы преступлений, оно подразделило их на несколько видов:

а) истребление и повреждение чужого имущества;

б) завладение чужим недвижимым имуществом;

в) похищение имущества;

г) присвоение и утайку чужой собственности и др. преступления и проступки по договорам и другим обязательствам.

Тяжесть наказания за уничтожение и повреждение имущества была поставлена в непосредственную зависимость от способа совершения преступления (особо выделялись поджог, взрыв, потопление), вида имущества (жилое и нежилое здания, суда, лес, урожай, сад, скот, рыба, чужие письменные документы и т.д.), времени и обстановки совершения деяния (ночью, при сильной засухе или ветре), цели (для получения страховой суммы), степени осуществления преступного намерения (приготовление, покушение, оконченное преступление), формы вины и многого другого. Завладение недвижимостью квалифицировалось как преступление, если при этом применялось насилие либо истреблялись граничные знаки, межи.

Примечательно, что в Уложении о наказаниях 1885 г. похищение имущества усматривалось только в деяниях, понимаемых как кража, грабеж, разбой и мошенничество. При этом термин «кража» трактовался в том смысле, какое он имел еще во времена Русской Правды: «Кражей признается всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и

вообще без принадлежащих к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». Применительно к составу грабежа различались две разновидности действий, вследствие чего он определялся как: «во-первых, всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что эти угрозы и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, или свободы того лица; во-вторых, всякое, хотя бы без угроз и насилия, но открытое похищение какого-либо имущества в присутствии самого хозяина или других людей». Соответствующая дефиниция была сформулирована и в отношении разбоя: «...всякое на кого-либо, для похищения принадлежащего ему или находящегося у него имущества, нападение, когда оное учинено открытою силою с оружием, или хотя бы без оружия, но сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здоровья, или свободы лица или лиц, подвергшихся нападению».

В уголовном уложении 1903 г. в рамках одних составов преступлений были объединены преступления против имущества и доходов казны, а также против собственности частных лиц. Охране собственности посвящалась не одна глава. Например, в главе 32 речь шла о воровстве, разбое и вымогательстве, главе 33 – о мошенничестве, а в главе 34 – о банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу. Большое внимание уделялось специфике предмета преступления. Об этом свидетельствует существовавшая дифференциация ответственности, вплоть до выделения в отдельную статью закона, за повреждение имущества с учетом его свойств, качеств, назначения. Например, в ст. 548 в качестве предмета были названы река, канал, источник, а в ст. 556 – телеграф или телефон общего пользования. Тайное и открытое похищение определялось как воровство. Предметом воровства рассматривалось чужое движимое имущество. Присвоение обозначалось как цель такого похищения (ст. 581 Уложения).

В то же время присвоение имущества, вверенного виновному, выделялось в самостоятельную статью и образовывало самостоятельный состав преступления (ст. 574). А в ст. 576 Уложения был закреплён специальный состав присвоения имущества. В соответствии с данной статьей к уголовной ответственности могло быть привлечено лицо, выступавшее в качестве специального субъекта преступления, – уполномоченный правительственной или общественной властью на оказание помощи пострадавшим от пожара, недостатка народного продовольствия или иного общественного бедствия, виновный в присвоении имущества, подлежащего раздаче пострадавшим (7; 827).

В этот период времени в уголовно-правовой доктрине термины «собственность» и «имущество» употреблялись зачастую как синонимы и обозначали всю совокупность имущественных прав и интересов. Видимо, поэтому И.Я. Фойницкий объектом имущественных посягательств признавал имущество как «конкретный предмет юридического господства человека, как одну из частей его правовой сферы» (9; 158).

Определенному пересмотру подверглись и представления о другом виде преступлений против собственности – похищения имущества. Считая разграничение кражи и грабежа искусственным, не отвечающим потребностям практики, разработчики Уголовного Уложения 1903 года объединили кражу и ненасильственный грабеж в один состав, обозначив его термином «воровство» (5; 15-16). Характеризуя его как тайное или открытое похищение чужого имущества, Уложение одновременно внесло коррективы в понятие разбоя, отличительным признаком которого называлось похищение имущества с применением насилия над личностью или наказуемой угрозы, вне зависимости от характера насилия и того, связано оно с нападением или нет.

Заметим, что разработчики Уложения, определяя каждый способ похищения, подчеркивали необходимость специальной цели: в составах воровства, разбоя и мошенничества – присвоения имущества, в составе вымогательства – получения для себя или другого лица имущественной выгоды.

Мало чем отличались друг от друга, первые советские Уголовные кодексы 1922 и 1926 го-

дов восприняли идею Уголовного Уложения о единой уголовно-правовой охране государственного, общественного и личного (частного) имущества и разделении преступлений против собственности на хищения и иные посягательства. Количество последних было сокращено и, прежде всего, в той части, в какой решался вопрос об ответственности за уничтожение и повреждение имущества. Отказавшись от криминализации неосторожных посягательств, законодатель ограничивался выделением только общего («Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего учреждению, предприятию или частному лицу») и специального составов преступления совершение такого рода действий общеопасным способом. В 1925 году были установлены разные санкции за посягательства, направленные против государственной и общественной собственности, с одной стороны, и собственности частного лица – с другой, но УК РСФСР 1926 года подобного рода деления уже не имел (1;8).

Что касается описания признаков посягательств, охватываемых термином «похищение», то советский законодатель увязал с ним только составы кражи, грабежа и разбоя, в трактовке которых сначала пошел по пути Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно УК РСФСР 1922 года кража есть «тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения», грабеж – «открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над личностью или с насилием не опасным для жизни и здоровья потерпевшего». Разбой – «открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем» Совершение разбойного нападения группой лиц рассматривалось как бандитизм. УК РСФСР 1926 года, уточнив оценку такого рода действий в качестве квалифицированного разбоя, основные признаки всех этих способов похищения оставил без существенных корректив. В последующем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» было дано иное определение кражи «тайное или открытое похище-

ние имущества граждан», в результате чего, упразднив понятия грабежа, наше законодательство возвратилось к той ее трактовке, которая содержалась в Уголовном Уложении 1903 года. Кроме того, одновременно был принят Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», которым все способы хищения подразделялись на кражу, присвоение, растрату и иное хищение государственного имущества. Еще ранее, в 1932 году Законом от 7 августа 1932 г. все лица, совершившие хищение, объявлялись «врагами народа», причем термином «хищение» в данном случае охватывались все формы посягательства на социалистическую собственность (кража, грабеж, разбой, присвоение, мошенничество и т.д.). Поскольку содержание этих дополнений и изменений в действующем тогда УК РСФСР 1926 года мало сформировывалось с положениями содержащихся в нем статей, то система уголовно-правовых норм, посвященных охране отношений собственности, оказалась запутанной и противоречивой.

Наиболее существенной отличительной особенностью УК РСФСР 1960 года являлось то, что он долгое время различал посягательства на социалистическое (государственное, общественное) и личное имущество граждан. Такой подход не был случайным, ибо в основе его лежала идея необходимости обеспечить повышенную охрану социалистической собственности. Эта идея нашла свое отражение не только при конструировании пределов уголовно-правовых санкций, но и при формулировке оснований ответственности. Наиболее ярко данное обстоятельство проявилось при решении вопроса о круге уголовно наказуемых деяний, связанных с повреждением и уничтожением имущества. В отличие от ранее действующего законодательства, данный Уголовный кодекс криминализировал и умышленное, и неосторожное их совершение, причем применительно как к личному, так и социалистическому имуществу. Нюанс состоял лишь в том, что неосторожное деяние в отношении личной собственности влекло ответственность только тогда, когда оно явилось непосредственной причиной уничтожения или повреждения имущества, а в отношении социалистической собственности – еще и в случаях недобросовестного выполне-

ния лицом своих обязанностей по охране государственного и общественного имущества, если ее следствием было расхищение, повреждение или гибель имущества в крупных размерах. Признав целесообразным исключить наказуемость некоторых деяний (банкротства) и в то же время предусмотреть ряд новых составов (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества), законодатель дополнил последними лишь главу «Преступления против социалистической собственности».

Закрепив одну из тенденций принимаемых актов 20–50-х годов – обособление ответственности за посягательства на социалистическую собственность, УК РСФСР 1960 года не воспринял другую идею: переосмысление понятия и способов хищения. Не давая общего определения преступления такого вида, этот Уголовный кодекс достаточно последовательно исходил из того, что способами их совершения являются кража, грабеж, разбой, присвоение, растрата, злоупотребление служебным положением и мошенничество. В этой связи восстанавливалось самостоятельное значение состава грабежа как открытого похищения без насилия или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, что обусловило и соответствующую трактовку понятий кражи (тайное похищение имущества) и разбоя (нападение с целью завладение имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего) (6;15).

Как и следовало ожидать, подготовка соответствующего раздела нового уголовного законодательства вызвала немало предложений. Некоторые были учтены в проекте УК, но при его принятии – исключены. Такая судьба постигла, в частности, взгляд авторов данного проекта на необходимость восстановить уголовно–правовую оценку приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как одного из посягательств против собственности (в УК РФ это деяние, в конечном счете, было включено в главу «Преступления в сфере экономической деятельности»). Не была воспринята также идея о дифференцированном подходе к криминализации деяний с учетом их направленности на имущество движимое и недвижимое. Реально возникающая

опасность сужения понятия хищения, предмет которого мыслится только движимое имущество, и сложности в практическом отграничении этого преступления от предлагаемого состава «завладения чужим недвижимым имуществом из корыстных целей» побудили законодателя отказаться от деления посягательств по данному признаку. Не получили поддержки и нововведения, непосредственно касающиеся формулировок того или иного способа хищения (применительно, например, к разбою – признание его посягательством против личности, конструирование этого преступления в качестве материального состава и др.). Вместе с тем в новом Уголовном кодексе, так или иначе, были воспроизведены многие из тех положений, которыми в последние годы был дополнен УК РСФСР 1960 года: объединены статьи, устанавливающие наказуемость за посягательства на разные формы собственности в одну главу; уточнена уголовно–правовая оценка неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон) и т.д. Если не иметь в виду вопросы совершенствования юридической техники (замену, например, терминов «похищение» на «хищение») и унификацию составов, то можно указать на несколько наиболее существенных моментов, отличающих новый УК РФ от ранее действующего: законодательное закрепление общего понятия хищения; исключение наказуемости такого рода деяний, как присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества, неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом без цели хищения.

Впервые законодательное понятие разбоя было дано в ст. 184 УК 1922 года. УК РСФСР определял разбой как «открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем». Часть 2 этой статьи устанавливала ответственность за разбой, совершенный группой лиц (бандитизм).

Учитывая повышенную опасность этого преступления, закон предусматривал за него суровое наказание в виде лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, а при рецидиве и групповом разбое суду предос-

тавлялось право применять к виновному высшую меру наказания.

Ответственность за разбой по УК 1922 года не дифференцировалась в зависимости от того, на какую собственность посягало это преступление – социалистическую или личную.

Определение разбоя, данное в УК РСФСР 1922 года, было воспроизведено в первоначальной редакции УК РСФСР 1926 года. Однако постановлением ВЦИК от 26 августа 1929 г. определение разбоя было изменено. Согласно новой редакции в ст. 167 УК разбой определялся как «открытое с целью завладения чужим имуществом нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего».

К квалифицированным видам разбоя были отнесены повторный разбой, разбой, повлекший за собой смерть или тяжкое увечье потерпевшего, и вооруженный разбой.

В новой редакции ст. 167 УК имело место некоторое сужение состава разбоя за счет того, что законодатель, определяя его, не упоминал о психическом насилии. Изменения в санкциях выражались в снижении размеров наказания. Если в УК 1922 года наказание за разбой могло быть определено не ниже 3 лет лишения свободы (а, следовательно, до 10 лет), то в УК 1926 года в ч. 1 ст. 167 был определен лишь максимальный предел лишения свободы – не свыше 5 лет.

За квалифицированный разбой хотя и предусматривалось лишение свободы до 10 лет, однако, как и в ч. 1 ст. 167, минимальным сроком лишения свободы оставался низший предел, установленный уголовным законодательством для данного вида наказания, т.е. один год лишения свободы. Вполне понятно, что такое смягчение наказания за разбой не могло обеспечить успеха с борьбой с этим опасным преступлением.

Непоследовательность УК 1926 года в определении наказания за разбой находила проявление и в том, что согласно ч. 2 ст. 167 УК разбой, совершенный повторно или повлекший за собой смерть или тяжкое увечье потерпевшего, наказывался лишением свободы на срок до 10 лет, а за вооруженный разбой, предусмотренный ч. 3 ст. 167, допускалось применение высшей меры наказания – расстрела, независимо от характера наступивших для потер-

певшего последствий. Таким образом, наиболее опасный вид разбоя, соединенный с причинением смерти, карался мягче вооруженного разбойного нападения, не повлекшего таких последствий.

Уголовный кодекс 1926 года, как и ранее действовавшее законодательство, объединял в одной статье ответственность за разбойные посяательства на социалистическую и личную собственность. С изданием закона от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», предусматривавшего ответственность за посяательства на социалистическую собственность, независимо от способа преступных действий виновного, разбойные нападения с целью завладения социалистическим имуществом в крупных размерах должны были квалифицироваться наряду со ст. 167 УК РСФСР и по этому закону.

Существенные изменения в регулировании уголовной ответственности за хищения социалистического имущества и преступления, направленные против личной собственности граждан, были внесены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны жилищной собственности граждан».

Указ «Об усилении охраны личной собственности граждан» определил разбой как нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия. Квалифицированным признавался разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением, а равно совершенный шайкой либо повторно.

Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не содержал непосредственного указания на разбой как на одну из форм хищения социалистического имущества. Этот пробел закона восполнялся в судебной практике его расширительным толкованием.

Пленум Верховного Суда СССР неоднократно разъяснял судам в руководящих постановлениях, что хищение государственного или общественного имущества путем разбойного

нападения на лиц, в ведении которых находится это имущество, или лиц, его охраняющих, должно рассматриваться как хищение, совершенное при отягчающих обстоятельствах, и квалифицироваться соответственно по ст. 2 и 4 Указа.

Указ от 4 июня 1947 года установил для всех союзных республик единое понятие разбоя, существенно отличающееся от прежнего законодательного определения этого преступления.

Основное изменение состояло в расширении понятия разбоя за счет отнесения к нему насильственных посягательств, рассматривавшихся ранее действовавшим законодательством как грабеж. Разбоем признавались любые насильственные действия с целью завладения чужим имуществом, в результате чего в одном составе преступления оказались объединенными действия, существенно отличающиеся друг от друга по степени общественной опасности.

Если в УК 1926 года имела место недооценка уголовной репрессии в борьбе с разбойными посягательствами, проявлявшаяся в установлении сравнительно мягких санкций, то Указ от 4 июня 1947 г. предусматривал за совершение этого преступления чрезмерно суровое наказание. Простой разбой, направленный на завладение личным имуществом, карался заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества, а за разбой, совершенный при отягчающих обстоятельствах, осужденные наказывались заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества. При совершении разбойных посягательств на государственное имущество виновным могло быть назначено лишение свободы на срок до 25 лет.

Установление столь высоких минимальных и максимальных пределов уголовного наказания не вызывалось необходимостью. Жизнь показала, что назначение виновным длительных сроков лишения свободы (свыше 15 лет) вызывает у осужденных чувство бесперспективности и обреченности и поэтому не может способствовать достижению тех целей, которые преследует уголовное наказание. В уголовном законодательстве 1960 года вопросы ответственности за преступления, направленные против социалистической и личной собствен-

ности, получили стройную и последовательную регламентацию.

В ч. 1 ст. 91 УК РСФСР разбой определяется как «нападение с целью завладения государственным или общественным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергнувшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия».

Подобное определение разбоя содержалось в ч. 1 ст. 146 УК РСФСР 1960 года, предусматривающей ответственность за посягательства на личную собственность. Установив ответственность за разбой, посягающий на социалистическую и личную собственность, в разных нормах уголовного кодекса, законодатель вместе с тем наделяет эти составы преступления одинаковыми признаками, различая их лишь по объекту посягательства. УК РСФСР 1960 года сузил понятие разбоя, исключив из него посягательство с целью завладения чужим имуществом, соединенные с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, и выделив тем самым самостоятельный состав грабежа.

В УК РФ 1996 года законодатель предусмотрел ответственность за разбой в ст. 162. Под разбоем он понимает «наказание в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». В ч. 2 и ч. 3 ст. 162 УК РФ предусмотрены квалифицированные виды, а в ч. 4 ст. 162 УК РФ – особо квалифицированные виды разбоя.

Проведенный анализ истории возникновения уголовной ответственности за разбой показал, что уголовно-правовая охрана собственности прошла в своем развитии несколько этапов, основные в изменении в законодательстве приходятся на периоды, следующие за принятием крупных кодифицированных правовых актов – уложений, кодексов.

Примечания:

1. Донченко А.Н. Криминологическая характеристика краж, грабежей и разбоев: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М.: МВШМ МВД РФ, 1999.
2. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование): Автореф. дис. доктора юридич. наук. – Томск, 1999.

3. Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. – 1997. – №5.
4. Российское законодательство X-XX веков. – М., 1988. – Т.6.
5. Севрюков Ф.П. Характеристика грабежей и разбоев с проникновением в жилище. – М: ВНИИ МВД РФ, 2000.
6. Севрюков А.П. Хищение по уголовному праву. – М., 2003.
7. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Изд. Н.С. Таганцева. – СПб., 1904.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1907.